

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

На правах рукописи

МУРАВЬЕВА Наталия Юрьевна

***КАТЕГОРИЯ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ
В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА И В ТЕКСТЕ***

Специальность 10.02.01-10 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2008

**Работа выполнена в Отделе современного русского языка
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН**

Научный руководитель: кандидат филологических наук
доцент **Н. К. Онипенко**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор **О. В. Кукушкина**

кандидат филологических наук
доцент **А. В. Канафьева**

Ведущая организация: Государственный институт
русского языка
им. **А. С. Пушкина,**
кафедра русского языка

Защита состоится 24 апреля 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.002.008.01 при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (119019, Москва, ул. Волхонка, д.18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (119019, Москва, ул. Волхонка, д.18/2).

Автореферат разослан _____ 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Кандидат филологических наук

Б. Л. Иомдин

Общая характеристика работы

Одной из наиболее важных тенденций в современной русистике является интегральное семантико-синтаксическое представление языковых категорий. В разных лингвистических направлениях, у разных исследователей, при разной терминологии прослеживаются два направления интеграции:

1) взаимонаправленное представление семантики лексической и семантики грамматической – словаря и грамматики;

2) соединение системно-грамматического и текстового подходов, то есть исследование языковых явлений в системе языка и в их речевом воплощении.

С. Д. Кацнельсон в статье «О грамматической категории», обсуждая соотношение категорий лексико-грамматических и реляционных, писал: «Живое развитие языка совершается таким образом, что одни и те же категории, обрабатываемые в ходе общественно-исторического процесса познания природы и общества, откладываются на одном полюсе языка в виде лексико-грамматических категорий, то есть в виде определенных разрядов лексических значений, а на другом полюсе – в виде реляционных категорий, то есть в виде определенных возможностей сочетания слов в предложении»¹. Это означает, что функциональные возможности слов определенного разряда обусловлены их лексической семантикой, что семантическая категория – это именно та составляющая грамматической системы, которая соединяет лексему и грамему, что одни и те же абстрактные значения могут быть лексикализованы и грамматикализованы одновременно (а значит, они могут быть собраны в функционально-семантическое поле), что словарь и грамматика взаимно направлены друг на друга, что закон семантического согласования, или «закон изотопии»², поддерживается самой языковой системой, тем, как в ней существуют категориальные значения.

Все сказанное в полной мере относится к семантической категории перцептивности, которая и является **предметом** настоящего исследования. Перцептивность в современной русистике стала одной из наиболее дискуссионных проблем. В последние два десятилетия появился ряд работ, непосредственно посвященных семантике слов со значением восприятия (это исследования Ю. Д. Апресяна, Г. И. Кустовой, Е. В. Падучевой, Р. И. Розиной,

¹ Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. 1948. №2. С. 130.

² Греймас А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода. М., 2004; Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972. С. 375.

Е. С. Яковлевой, статьи в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»³ и др.). Интерес к фигуре наблюдателя побудил лингвистов вернуться к проблематике «образа автора» и множественности его «ликов», ипостасей (Е. В. Падучева), соединить типологию нарративных субъектов с типологией модусов (Н. Д. Арутюнова), выработать идеи, позволяющие на одних основаниях интерпретировать семантику слова, предложения и смысл текстового фрагмента (Теория коммуникативной грамматики). Перцептивность на уровне текста была рассмотрена в работах А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой, Л. О. Чернейко, Н. В. Халиковой, В.В. Духаниной, А. Л. Ломоносовой, В. Е. Чумириной и др. Соответственно, проблема категории перцептивности оказалась на пересечении интересов лексикографии, системно-языковой грамматики и грамматики текста, что обуславливает **актуальность** данного исследования, рассматривающего глагольную лексику с перцептивным компонентом в семантике как образующую лексико-семантическое поле и как подчиняющуюся закону модусного согласования в рамках текста.

Объектом исследования в настоящей работе являются глаголы с перцептивным компонентом в семантике, которые рассматриваются (1) как лексико-семантическое объединение глаголов, находящихся в определенных отношениях, то есть образующих микросистему в русской лексико-семантической системе, и (2) как средства организации перцептивного модуса в тексте. Основное внимание в работе уделяется глаголам, обозначающим зрительное восприятие и, соответственно, выражающим в тексте точку зрения наблюдателя.

Наблюдатель – участник ситуации непосредственного наблюдения, совпадающий или не совпадающий с говорящим субъектом, лексикализованный и грамматикализованный (в словоформе и/или в синтаксической структуре предложения), его наличие «задает» в тексте перцептивный модус⁴, который, в свою очередь, организует репродуктивный регистр речи⁵.

³ Ю. Д. Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

⁴ Противопоставление диктумной и модусной информации в высказывании было введено в (Ш. Балли Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 44). Типы модусов, по Н. Д. Арутюновой, – ментальное состояние говорящего, в рамках которого мыслится объективная информация. Так, Н. Д. Арутюновой были выделены перцептивный (сенсорный), ментальный (когнитивный, эпистемический), эмотивный, волеизъявительный (волитивный), а

Новизна данной диссертации заключается в соединении системного и текстового подходов к исследуемым лексемам.

Цель работы состоит в исследовании распределенности семы перцептивности между глагольными лексемами в лексико-семантической системе и распределенности ее между составляющими текстового фрагмента.

Сформулированная таким образом цель предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Уточнить понятие глаголов восприятия и составить список глаголов, в которых сема перцептивности проявляется как в лексической семантике, так и в текстовом употреблении.
2. Установить набор семантических категорий, с которыми может взаимодействовать сема перцептивности.
3. Построить типологию глаголов с перцептивным компонентом в семантике.
4. Проследить на примере одного из классов глаголов восприятия распределенность сем перцептивности в одном словообразовательном гнезде, выявив факторы, усиливающие или ослабляющие перцептивный модус в значении глагола.
5. С помощью текстового анализа выявить условия функционирования глаголов с перцептивным компонентом в семантике и характер их взаимодействия с лексемами другой семантики.

Практическая значимость: результаты анализа могут быть использованы в системном описании грамматики русского языка, в лексикографии, в вузовских курсах русского языка.

Материалом исследования являются тексты русской художественной литературы XIX-XX вв., а также отдельные фрагменты из современной публицистики. Часть примеров собрана на сайте <http://www.ruscorpora.ru/> (Национальный корпус русского языка).

также речевой планы модуса (Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С.109 и далее).

⁵ Коммуникативным регистром речи (в частности, репродуктивным) в концепции Коммуникативной грамматики называется «модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего» (в данном случае позицией наблюдателя) «и его коммуникативными задачами, располагающая определенным набором языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста» (Онипенко Н. К. Синтаксическое поле русского предложения и модель субъектной перспективы // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М., 2002. С. 179).

Структура работы: работа состоит из введения, теоретической главы, трех исследовательских глав, заключения, библиографии и приложений. Библиография насчитывает более 500 работ по лингвистике, поэтике, эстетике, психологии и философии.

В **первой главе** рассматриваются разные подходы к категории перцептивности. Анализируются материалы стилистики, лексической семантики, морфологии, синтаксиса предложения и синтаксиса текста.

Во **второй главе** сравниваются разные классификации русских глаголов восприятия (классификации Э. В. Кузнецовой, Л. М. Васильева, Л. Г. Бабенко, Е. В. Падучевой, раздел тома IV «Русского семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой, а также идеи Ю. Д. Апресяна). Уточняется понятие перцептивного глагола и составляется список глагольных лексем с перцептивным компонентом в семантике, которые могут маркировать репродуктивный регистр в тексте. В этой же главе предлагается типология глаголов восприятия в виде шкалы перцептивности.

В **третьей главе** рассматривается словообразовательное гнездо одного глагола пространственно-ориентированной семантики, а именно глагола *тянуть*. Исследуется распределенность семы перцептивности в этом гнезде, выявляются факторы, усиливающие или ослабляющие перцептивный модус в значении глагола.

В **четвертой главе** предлагается текстовый анализ фрагментов репродуктивного регистра; выявляются условия функционирования глаголов с перцептивной семантикой, а также характер их взаимодействия с лексемами другой семантики.

Каждая глава завершается выводами, общие итоги подводятся в **заключении**.

Апробация работы состоялась на межвузовских научно-практических конференциях (Москва: МГУ 2001, МГЛУ 2003, МГПИ 2003, 2004, 2006, 2008, МГПУ 2005, МПГУ 2008), на кафедре русского языка и методики МГПИ (2004, 2006), на заседании Отдела современного русского языка ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН (2007). Основные положения работы отражены в девяти опубликованных статьях.

Содержание работы

В первой главе рассматриваются термины и языковые объекты, в связи с которыми обсуждалась семантика восприятия, наблюдаемости, зримости, изобразительности, обосновывается выбор теоретической базы исследования. Теоретические положения первой главы дополняются авторскими примечаниями в сносках второй главы – материалом, почерпнутым из работ по философии визуальности и психологии восприятия, а также теории живописи и кинематографии.

Обзор работ из разных филологических дисциплин показал, что столь «модная» в современной семантике «фигура наблюдателя» имеет свою историю в филологии: из слова обыденного языка (например, у А.М. Пешковского, В. В. Виноградова) «наблюдатель» превратился не только в семантический примитив (работы А. Вежбицкой, Московской семантической школы), но и в лингвистический термин (в первую очередь работы Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой), который «оброс» определениями и смежными понятиями: *наблюдатель тривиальный / нетривиальный, внутренний / внешний* (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева); *модус сенсорный, перцептивный* (Н.Д. Арутюнова); *регистр изобразительный, репродуктивный* (Г.А. Золотова); *демон-страционный тип речи* (С.Г. Ильенко). Перцептивность стала изучаться в двух направлениях: используя терминологию Московской семантической школы, первое можно назвать «нетривиальным», поскольку наблюдатель здесь лексикализованный и грамматикализованный (изучаются отдельные семантические классы слов или отдельные граммы), второе – «тривиальным», перцептивность в нем понимается как результат семантического согласования единиц в рамках предложения и текста. Ко второму направлению относятся работы, посвященные пространственно-временной локализованности как «суперкатегории предложения» (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев), семантике модальных частиц и наречий (Е.С. Яковлева и др.).

В главе обосновывается мнение, что понятие «наблюдатель», в понимании лексической семантики, неоправданно расширено, что нередко термин «наблюдатель» обозначает не позицию субъекта модуса, воплощенного в данном тексте, а способ получения информации – в результате собственного ментального опыта. Понятие нетривиального наблюдателя (лексикализованного или грамматикализованного) не должно противопоставляться наблюдателю

тривиальному (текстовому), поскольку в соответствии с законом семантического согласования условием реализации лексикализованной или грамматикализованной перцептивности является воплощенный в контексте перцептивный модус, то есть так называемый тривиальный наблюдатель.

В рамках Коммуникативной грамматики модусное согласование всех составляющих обозначено термином «коммуникативный регистр речи». Перцептивный модус воплощается в репродуктивном регистре речи, для которого характерны актуальное время предиката и конкретно-референтная семантика именных групп. В результате перцептивность оказалась связанной с понятием репродуктивного регистра речи, то есть с воспроизведением ситуации непосредственного восприятия (восприятие рассматривается не как источник получения, но как способ оформления передаваемой информации).

Репродуктивный регистр речи – это тот текстовый фрагмент, в рамках которого реализуется семантика перцептивности. Маркирующими репродуктивный регистр являются: (1) собственно перцептивные предикаты (*видеть, слышать, виднеться, видно, слышно*); (2) частноперцептивные лексемы, передающие своими корнями идеи звука, цвета, запаха и под.; (3) пространственно-ориентированные лексемы (*растянуться, развернуться, покрывать*); (4) субъектно-авторизирующие средства (например, субъектные синтаксемы: *перед нами*); (5) пространственно-временные локализаторы; (6) видо-временные и залоговые формы в особых синтаксических конструкциях (в первую очередь это совершенный вид неакциональных глаголов и стивно-причастные формы страдательного залога); (7) предложения с некоординированными сказуемыми; (8) экспрессивно-динамические безглагольные модели; (9) номинативные и генитивные предложения и др. Первые три пункта имеют непосредственное отношение к лексикализованной в глаголе перцептивности.

В результате сопоставительного анализа разных подходов к категории перцептивности формулируется **основная гипотеза** исследования: функционирование перцептивно маркированных глаголов подчиняется закону семантического согласования, а именно закону семантического согласования на модусном уровне; роль этих глаголов в организации репродуктивного регистра речи зависит от «уровня» перцептивности в их семантике.

Во **второй главе** делается предположение, что деление на тривиального и нетривиального наблюдателя в рамках текстового фрагмента является

искусственным, что критерий отнесения глагола к полю перцептивности – это возможность употребления глагола в репродуктивном регистре. В главе рассматриваются классификации глагольной лексики, в рамках которых выделялись глаголы восприятия. Обзор классификаций показал, что они ограничиваются семантикой и не выходят в сферу прагматики. Это означает, что глаголы включаются в списки на основе семантического компонента «восприятие», однако не учитывается возможность / невозможность их функционирования в репродуктивном регистре, их способность воспроизводить сам процесс восприятия. Без учета текстовых возможностей в списки глаголов восприятия попадают лексемы: (1) с отрицательной семантикой – *слепнуть, проворонить*, (2) ментальные – *отождествлять, свидетельствовать (доказывать)*, (3) с абстрактным компонентом, перечеркивающим конкретность, наблюдаемость ситуации – *шпионить, сторожить, маскироваться, обнаружиться*, (4) гиперонимы – *находиться, воспринимать* и др.

С учетом деления информации на диктальную и модусную предлагается различать следующие классы полнозначительных предикатов (в основном глаголов):

I. Диктальные:

- констатирующие, среди которых выделяются:

(1) некаузативные, представляющие одно положение дел (действие, состояние, деятельность: *стоять, перелистывать*),

(2) каузативные, выражающие воздействие одного субъекта на другого с целью породить другое действие (*посадить, отправить*);

- изобразительные (*вздохматиться*);
- интерпретирующие (*ошибаться*);
- перформативные, в 3-м лице связанные с констатацией (*Я прошу → Он просит*) или интерпретацией (*Он сказал: «Принеси книгу» → Он просит*), а в 1-м лице – с автоинтерпретацией (*Я требую, чтобы кто-нибудь туда пошел*).

II. Модусные, обнаруживающие субъекта сознания и/или речи (*видеть, мерещиться*); классифицируются по типам модуса, одним из которых является модус перцепции.

При этом если семантика модусных глаголов целиком занята категорией перцептивности, то в семантике диктальных перцептивность

может присутствовать в большей или меньшей степени, а также быть потенциальной.

В связи с этим в главе формулируются критерии отнесения глаголов к разряду перцептивных и способы обнаружения семы перцептивности в глагольной семантике. Основным критерий – не способность обозначить «факт наблюдения» (как это принято, например, в работах Е. В. Падучевой), а способность употребляться в репродуктивном регистре речи, то есть в актуально-процессном временном значении. Предлагаются диагностические контексты, позволяющие идентифицировать лексемы с перцептивным компонентом в семантике. Например: можно сказать *В углу он рассматривает фотографии*, но невозможно: **В углу он распознавал фотографии*; ср. также: **Он сидел и распознавал...*; **Я вижу, как он отождествляет что-то*; **Стоя у окна, он идентифицировал эти объекты*.

При помощи текстового эксперимента был создан список глаголов, которые могут соединяться с перцептивным модусом. Это лексемы, (1) вся семантика которых перцептивна, (2) семантика которых содержит перцептивный компонент наряду с другими семами, и (3) глаголы с потенциальной перцептивностью семантики, то есть обозначающие ситуации, которые могут быть зрительно восприняты. Полный алфавитный список указанных глаголов представлен в приложении.

Отобранные на основании функциональных критериев глаголы представлены в виде шкалы. Всего выделяется три ступени: (1) **модусно-перцептивные** глаголы и отглагольные предикативы (*видеть, смотреть, видно*), способные организовывать модусную рамку и маркирующие в тексте «нетривиального» наблюдателя; они подразделяются на 3 типа в зависимости от значения признаков акциональности / неакциональности, локативности / нелокативности; (2) **изобразительные** (*колыхаться, взвиться, взъерошить, простираться, дымиться* и проч.), которые отличаются от предыдущих тем, что обозначают процесс восприятия лишь во взаимодействии с диктальной информацией о бытии объекта; (3) глаголы с **потенциальной перцептивностью в семантике** (*сидеть, идти, писать*), которые традиционно соотносились с понятием «тривиального» наблюдателя, но диагностический контекст доказывает их причастность репродуктивному регистру.

Модусно-перцептивные глаголы представлены тремя группами:

- **Акционально-субъектные** глаголы (*смотреть1, глядеть, наблюдать / показывать1*); например: *В четвертом часу он услышал шаги по коридору и выглянул в дверь. Это возвращался знакомый ему игрок Мяскин из клуба. Он шел мрачно, насупившись и откашливаясь* (Л. Толстой).

Акционально-субъектным глагол является в случае употребления его в 1-м лице или же во 2-м или 3-м при условии «внутренней» точки зрения. При «внешней» точке зрения глагол прочитывается как лексема группы «с потенциальной наблюдаемостью».

- **Неакционально-субъектные** глаголы (*видеть, заметить*); например: *На этот раз она читала книгу, и я теперь повнимательней присмотрелся к ней и заметил, что лупа, которую она держала над книгой, так и ходит ходуном* (Ф. Искандер).

Эти глаголы характеризуются способностью как «задавать» репродуктивный регистр – ситуацию непосредственного наблюдения, так и констатировать факт этого наблюдения (*Он видел, как по дороге медленно ехал велосипедист и Он видел заезд этого велосипедиста*). Могут выступать как предикат качества (*Он плохо видит*).

- **Локативно-субъектные** предикаты (*открыться / предстать взору, видно*); например: *Мы вышли на гору, перед нами открылось широкое, холмистое, постепенно понижавшееся пространство* (Гаршин).

Переходную группу между модусно-перцептивными и изобразительными глаголами составляют **локативно-объектные глаголы** (*виднеться, белеться, появляться*); например: *Целые еще стекла распахивались, в них появлялись головы людей и тотчас же прятались, открытые же окна, наоборот, закрывались. В противоположных домах в окнах на освещенном фоне возникали темные силуэты людей, старавшихся понять, почему без всякой причины лопаются стекла в новом здании Драмлита* (Булгаков).

Три первых типа вводят в высказывание субъект восприятия (в именительном падеже – *Я смотрю, вижу*, в дательном падеже – *мне видно, моему взору представилось...*). В четвертом типе субъект приобретает ранг «за кадром» (Е. В. Падучева).

Локативно-субъектные и локативно-объектные предикаты объединены общей идеей места. Локативно-субъектные описывают ситуацию с определенного наблюдательного пункта (*Отсюда видно озеро, Моему взору представилось...*). Локативно-объектные также связаны с пространственным параметром, но подразумевают расстояние между воспринимаемым объектом и воспринимающим субъектом (*вдали что-то белеется – это значит далеко от меня*).

К локативно-объектным примыкают изобразительные, или изобразительно-объектные глаголы. Их объединяет внимание к объекту восприятия – именно он займет место подлежащего в структуре предложения.

Изобразительные (изобразительно-объектные) глаголы по своей семантике представляют способ существования объекта (*топорщиться, простираться, дыбиться, ниспадать*). Изобразительные глаголы характеризуются меньшей ролью перцептивного компонента в значении лексемы по сравнению с модусными и увеличением места объективной информации – представления компонентов ситуации, характеристики того или иного свойства объекта. Например: *Запорхали легонькие красные петушки* (Булгаков); *Улицы курились дымкой, и скрипел сбитый гигантский снег. И в пять, и в шесть, и в семь этажей громоздились дома* (Булгаков).

Глаголы с семой потенциальной наблюдаемости (перцептивности) включают в себя лексемы так называемой конкретной семантики. С точки зрения значения подобные лексемы не содержат перцептивного компонента: их семантика представляет собой только диктальную информацию (*сидеть, идти, бросать*), однако эта информация «добывается» в результате собственного опыта субъекта сознания и речи, то есть в результате, прежде всего, наблюдения. Эти лексемы способны употребляться как в репродуктивном, так и в других регистрах.

Таким образом выстраивается «шкала» глаголов с семантикой перцептивности и образуется семантическое поле, где в центре располагаются три первых класса (они занимают высшую строчку на шкале перцептивности и мотивированы корнями, этимологически относящимися к органу зрения), а четвертый класс, то есть глаголы, которые толкуются через глагол восприятия, занимает ближнюю периферию. К ним примыкают глаголы «изобразительные», выражающие зрительные впечатления. Нижнюю ступеньку занимают потенциально-перцептивные – такие, в семантике

которых нет перцептивности, но ситуации, выражаемые этими лексемами, познаются именно при помощи зрения. За пределами поля перцептивности оказываются семантические типы предикатов, которые не согласуются с семой перцептивности – предикаты оценки, интерпретации, деятельности.

Приведенный в главе текстовый материал доказывает, что рассматриваемые глаголы маркируют или «поддерживают» перцептивный модус в тексте и что «нетривиальная» перцептивность реализуется в рамках репродуктивного регистра речи, организованного совместными усилиями языковых средств разных уровней.

Если во второй главе глаголы анализировались безотносительно к словообразовательным связям, поскольку обсуждались лексемы, уже вошедшие в разные списки глаголов восприятия, то в **третьей главе** рассматривается существование семы перцептивности в рамках одного словообразовательного гнезда. Объектом исследования избран глагол *тянуть*, который в своем непроизводном варианте предполагает перцептивность (потенциальную), то есть воспринимаемую зрительно протяженность в пространстве. Целью стало исследование модусного взаимодействия глагольного корня с семантикой аффиксов (приставок и постфиксов).

Для «основного» глагола выбранного гнезда было предложено лексикографическое портретирование (с учетом возвратных и невозвратных производных). Рассмотрены денотативный и модусный аспекты.

На основании денотативного принципа выделения лексических значений обнаруживается **5 денотативных ситуаций**, которые могут быть представлены глаголом *тянуть*, при этом учитываются подвижность / неподвижность субъекта и характер, физические свойства объекта:

(1) Неподвижный субъект, который, воздействуя на объект, перемещает его: *Николка потянул за ручку тяжелую дверь, и они вошли* (Булгаков). Объект в данном случае может быть как неличным, так и личным: *притянуть упрянца к чему-либо*. Движущаяся часть субъекта (*рука* и под.) собственно объектом в данном случае не признается.

(2) Неподвижный субъект, воздействуя на объект, меняет его форму, конфигурацию – растягивает, вытягивает, распрямляет: *Отойдите вы. Чего подушку за ухо тянете? Ваша помощь не нужна* (Булгаков). Здесь объект характеризуется или мягкостью, эластичностью формы, или способностью быть развернутым в пространстве. В качестве особого вида объекта может

выступить часть человеческого тела – распрямляющаяся рука или нога и под. Тогда речь пойдет о представлении объекта «крупным планом», то есть об усилении наглядности: *Так, пока они проходили в полусумерках коридора, там стоял Аполлон Аполлонович; он, вытянув шею вслед той паре, глядел с любопытством* (Белый).

В ситуации (3), как и в (1), субъект двигает, перемещает объект, но и сам он тоже движется: *Паровоз, хрипя от пара, тянет, тянет на восток* (С. Васильев. Портрет партизана, МАС); *Лошадь лениво тянула большущее, еще не обделанное бревно* (Тендряков. Среди лесов, МАС). Объект обычно неодушевленный.

(4) Тип ситуации является результатом соединения ситуаций (2) и (3): движущийся субъект разворачивает, распрямляет, раскатывает, разматывает, делает длинным объект: *Тянуть бельевую веревку; Связисты, прибывшие из дивизии, тянули к командному пункту провод* (МАС).

(5) Субъект, двигаясь, перемещает «объект», как бы совпадающий с ним самим (иными словами, объект отсутствует). Здесь имеется в виду значение глагола №6⁶ (просторечное для «исходного» глагола *тянуть*, но очень распространенное для его дериватов) – ‘*двигаться, перемещаться в каком-либо направлении*’ (МАС): *Так и случилось и с Каргополем, когда он сделался средним и сильным пунктом, к которому тянули окрестные жители по земле и воде* (МАС). Ср. *Но случилась совсем другая беда: едва зайчишка выскочил из-под кустов и перебежал полянку, он с ужасом увидел, что всюду за ним тянется вереница его следов* (Георгий Скребицкий. Всяк по-своему (1958))⁷.

С точки зрения модуса глагольные значения были разделены на **модусно обусловленные** (ментально: *тянуть* 2 техн. ‘*обрабатывать*’; перцептивно: ‘*лететь в каком-л. направлении*’ (о птицах)) и **модусно нейтральные**, большинство из которых составляет рассматриваемую далее пространственно-ориентированную лексику.

В актуальном времени пространственная протяженность может превращаться во временной параметр – длительность, зрительное восприятие – в ожидание конца протяженности: компонент протяженности из диктальной

⁶ Нумерация значений заимствована из Словаря русского языка в 4-х т. М., 1980 (МАС).

⁷ Пример взят с сайта <http://www.ruscorpora.ru/> (Национальный корпус русского языка).

части способен переходить в модусную⁸, например: *Всякий дом казался ей длиннее обыкновенного; белая каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так что она наконец не вытерпела не сказать: "Проклятое строение, и конца нет!"* (Гоголь).

Наряду с противопоставлением модусно «сильных», «ярких» лексем более «слабым» и «нейтральным», различаются и **2 типа контекстов**:

1) «Сильные», маркированные перцептивно-модусными предикатами, где «введен» наблюдательный пункт, «заявлен» субъект модуса (наблюдатель) через движение, множество актов наблюдения, специфику наблюдаемых характеристик и т. д.

2) «Слабые», характеризующиеся отсутствием маркирующих средств и формирующиеся соединением «нейтрального» глагола наблюдаемого действия с конкретным существительным с пространственными предлогами и приставками. В частности, «имплицитным» перцептивно-организующим центром такого высказывания способен стать пространственно-ориентированный глагол. Противопоставление двух типов контекстов соотносится с противопоставлением определенных / неопределенных субъектов модуса.

На примере производных глаголов с пространственными приставками (*рас-*, *вы-*, *про-*, *на-* и др.) показано, что есть приставки (*рас-*, *вы-*), которые усиливают сему перцептивности и не требуют контекстуальной поддержки. Например: *Он сел в угол, вытянул ноги на переднее место и задумался* (Л.Толстой); *Слепцы опять вытянулись в линию и пошли по шоссе...* (Короленко); *Из коридора со скрежетом выехала скамеечка и на ней вытянулся, балансируя, Филипп Филиппович в синих с полосками носках* (Булгаков).

Рассматриваются контексты, в которых семантика перцептивности в глаголе подавляется и уступает место ментальному модусу. При этом особое внимание обращается на категории времени, модальности и на контексты с косвенной и несобственно-прямой речью, в которых репродуктивно «слабый» контекст может нейтрализоваться: *Ничего-то он не сказал Филофею, но тот сам тотчас натянул вожжи... Тарантас остановился* (Тургенев) –

⁸ Ср. наблюдение Г.И. Кустовой о трансформации в глаголе тянуть идеи расстояния в движение взгляда наблюдателя вдоль линии объекта (Г.И. Кустова 2004. С. 177-178).

репродуктивный регистр; ср.: *Я полагаю, что ничего-то он не сказал Филофею, но тот сам натянул возжжи...* – информативный регистр.

С другой стороны, прямая речь, будучи «цитатой» действительности, воспроизводящей в точности наблюдаемое, является показателем перехода к репродуктивному регистру: *Леночка, погладьте ее, не бойтесь... Девочка протянула из окна руку, но Орланд вдруг взвился на дыбы и бросился в сторону* (Тургенев) – после прямой речи следует фрагмент репродуктивного регистра. Усиливают перцептивность наречные и субстантивные распространители при глаголе: *Дарья Александровна, **прямо** вытянувшись на стуле, **со страдальчески-сочувствующим лицом** следила, поворачивая голову, за ходившею Анной* (Л. Толстой). Способен задавать «сильный» репродуктивный контекст нетипичный объект (не прототипический): *Но на лице Елены в три часа дня стрелки показывали самый низкий и угнетенный час жизни - половину шестого. Обе **стрелки** прошли печальные складки у углов рта и стянулись вниз к подбородку. В глазах ее началась тоска и решимость бороться с бедой* (Булгаков). «Картинка» становится более яркой, образ – более наглядным, объемным.

Признак перцептивности рассматривается во взаимодействии с акциональностью / неакциональностью, динамикой / статикой. Все типы употреблений описаны с позиций (1) типа контекста («сильного» / «слабого»), (2) сочетаемости с типами объектов и (3) грамматики словоформ.

Не будучи способными «задавать» модус самостоятельно, многие глаголы словообразовательного гнезда *тянуть* взаимодействуют с лексемами, имеющими перцептивный компонент в семантике (в примерах они выделены полужирным шрифтом), или организуют синтаксические конструкции, обусловленные перцептивным модусом: *Мгновенно **воцарилась** глубокая тишина: гроши слабо **звякали**, ударяясь друг о друга. Я внимательно **поглядел** кругом: все лица выражали напряженное ожидание; сам Дикий-Барин **прищурился**; мой сосед, мужичок в изорванной свитке, и тот даже с любопытством вытянул шею. Моргач запустил руку в картуз и достал рядчиков грош; все вздохнули. Яков **покраснел**, а рядчик провел рукой по волосам* (Тургенев).

В главе рассмотрены денотативные ситуации (в том числе неакциональных статичных употреблений), представленные конструкциями с глаголом *тянуть* и его производными:

- описание внешности человека, особенности его фигуры, одежды, выражение лица, позы: *Лицо Воланда было скошено на сторону, правый угол рта оттянут книзу, на высоком облысевшем лбу были прорезаны глубокие параллельные острым бровям морщины. Кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар* (Булгаков);

- описание массы, множества людей или других живых существ: *Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрещала канонада, пальба, стук колес экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкетеры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце...* (Л. Толстой);

- описание предметов: *Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками* (Пушкин);

- описание явлений природы, состояния внешней среды: *Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь* (Тургенев).

С точки зрения грамматики частотными оказались причастные и деепричастные формы в перфективной функции: *Борменталь, вытянувшись на цыпочках, стоял в глубокой луже, на паркете передней, и вел переговоры через чуть приоткрытую дверь на цепочке* (Булгаков); *В клубе царило глубокое молчание. Джентльмены кутались в плащи и курили сигары. Том Бекас, растянувшись на полу, спал, как у себя дома* (Чехов).

В четвертой главе проводится текстовый анализ, призванный обнаружить действие закона семантического согласования. Предлагается два варианта сравнительного анализа текстов. Первый – сравнительный анализ текстов, объединенных общностью содержания (в данном случае – описывающих Бородинское поле перед сражением). Второй – анализ фрагментов, объединенных регистровой принадлежностью (отнесенностью к репродуктивному регистру), взятых из прозы разных авторов.

В первом разделе для анализа выбраны фрагменты из произведений Л. Н. Толстого, Ф. Н. Глинки, генерала А. П. Ермолова, Г. П. Мешетича, Е. В. Тарле и текст экскурсии по Бородинскому полю. Из каждого источника

взяты по два отрывка: 1) описание Бородинского поля накануне сражения и 2) момент начала битвы. Фрагменты анализируются с точки зрения регистровой и модусной принадлежности. Основное внимание уделяется отрывкам репродуктивного регистра (у Л. Н. Толстого) и информативного регистра при наличии «повышенной» образности (в первую очередь у Ф. Н. Глинки, а частично и у других авторов). В первом случае детально анализируются лексические и грамматические средства организации регистра, во втором – в основном модусно охарактеризованная лексика.

Сравнительный анализ фрагментов предполагает разметку лексики в соответствии со шкалой перцептивности:

- индексом «4» обозначаются акционально-субъектные и неакционально-субъектные лексемы, вводящие субъекта восприятия;
- индексом «3» – локативно-субъектные и локативно-объектные предикаты, переключающие внимание наблюдателя на объект восприятия;
- индексом «2» – лексемы изобразительные, а также пространственно-ориентированные единицы; для этих слов важно, что они «получают» перцептивное прочтение в условиях перцептивной грамматики, в определенных сочетаниях;
- индексом «1» – потенциально-перцептивная лексика; в контексте репродуктивного регистра этот «потенциал» актуализируется и выступает в качестве одного из средств, «формирующих» текстовый модус.

Подсчет процентного соотношения маркирующих и маркируемых слов в текстах перцептивного модуса показал, что увеличение значимости перцептивно-потенциальных лексем (индекс «1») связано с перцептивностью грамматических категорий (актуальное время, конкретно-референтное прочтение имен).

Сравнение роли разных частей речи показало, какова роль глагола при формировании репродуктивного регистра. По результатам подсчетов была сформулирована следующая закономерность: чем больше глаголов среди слов с индексами «4» и «3», тем меньше их может быть среди слов с индексом «2» – пространственно-ориентированных и потенциально перцептивных. И наоборот: если лексем с индексом «4» нет совсем, а среди единиц с индексом

«3» глаголов меньше 30%, то процентное содержание глаголов среди слов с индексами «2» и «1» увеличивается.

Другой способ выражения наблюдаемости в тексте – не за счет глагольных корней, а за счет увеличения значимости имен с перцептивным компонентом в семантике. Такой вариант предлагает Г. П. Мешетич, в первом отрывке которого преобладают зрительные прилагательные, во втором – образные существительные. Другой пример – жанр экскурсии, где тоже увеличена роль существительных: 75% с индексом «3» в первом отрывке и почти 50% с индексами «1» – «4» – во втором.

Второй раздел посвящен сравнению описаний в текстах разных авторов с целью установить, какой из языковых уровней является наиболее активным при организации репродуктивного регистра речи. Это означает, что лексические, морфологические и синтаксические средства выражения «фигуры наблюдателя» рассматриваются в условиях текста.

В работе предлагается **методика выявления текстовых средств перцептивности**: на лексическом уровне разграничиваются (а) слова, «модусно охарактеризованные» по первому значению, и (б) средства, получающие перцептивное осмысление лишь в определенных контекстных условиях (синтаксически свободная и синтаксически обусловленная перцептивность). Так анализируется следующий фрагмент из повести А. П. Чехова «Дом с мезонином» (меньшим шрифтом выделены повествовательные и нерепродуктивные вставки):

Однажды, возвращаясь, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже *пряталось*, и на цветущей ржи *растянулись вечерние тени*. Два ряда *старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли*, как две *сплошные стены, образуя мрачную красивую аллею*. Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, *скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю*. Было *тихо, темно*, и только *высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука*. *Сильно, до духоты, пахло хвоей*. Потом я повернул *на длинную липовую аллею*. И *тут* тоже запустение и старость; *прошлогодняя листва печально шелестела под ногами*, и *в сумерках между деревьями прятались тени*. *Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга*, должно быть тоже старушка. Но *вот* и липы *кончились*; я прошел *мимо белого дома с террасой и мезонином, и передо мною*

неожиданно развернулся вид на барский дом и на широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце.

В тексте обнаружены следующие типы лексических маркеров:

(1) слова, «модусно охарактеризованные» по первому, исходному значению:

- пространственно-ориентированные глаголы *пряталось, растянулись, дрожал, кончились, развернулся (вид)* – динамические предикаты, «призванные» в данном контексте образно представлять статическую картину;

- слова, задающие пространственные, а потому наблюдаемые параметры образов (*тесно, высоких, стояли как стены, сплошные, покрывали, высоко, толпой...*);

- частноперцептивные лексемы: *тени, свет, переливал, радугой, яркий, золотой, пахнуть, шелестеть, в сумерках...* ;

(2) слова с синтаксически обусловленным значением:

- предложно-падежные группы конкретных существительных, выражающие пространственные отношения (*на ржи, на вершинах, под ногами, между деревьями, мимо дома, передо мной...*);

- дейктические средства языка (*тут, направо, вот, на том берегу*);

- зрительная метафора (*сети (наука)*, то есть *паутина*);

- прилагательные и наречия в определенных сочетаниях или синтаксических конструкциях: *вечерние (тени)* – это не просто время, но обозначение определенного оттенка или длины; *слабый (голос)* – это тип звука; вполне наблюдаемым представляется *старый (сад)* – это тоже определенный законченный образ;

- *тихо и темно* – частноперцептивные лексемы усиливают свою перцептивность в безличном предложении;

- некоторым перцептивным «дополнением» к чувственно воспринимаемому образу оказываются прилагательные и наречия со значением эмоции: это эмоциональное состояние того, кто видит или слышит: *мрачная аллея, печально шелестела, нехотя пела, вид развернулся неожиданно.*

В количественном отношении перцептивно охарактеризованная лексика у Чехова составляет почти половину от всех лексических единиц данного

отрывка. Если всех слов 139 (100%), то перцептивно охарактеризованных – 78 единиц, то есть 56%, причем «исходно» перцептивных – 30% (44 слова), а синтаксически обусловленных – 26% (34 слова).

Значительное количество лексических средств перцептивного модуса поддерживается грамматикой. Грамматика у Чехова «подстраивается» под лексику: конкретные существительные выражают пространственные отношения, числовые формы имен употребляются в счетном, конкретно-референтном значении.

Видо-временные формы глаголов также имеют прямые значения: прошедшее время указывает на время событий – до момента речи, формы несовершенного вида – на статику описываемого пейзажа, два глагола совершенного вида (*кончились*, *развернулся (вид)*) свидетельствуют о перемещении наблюдателя (героя).

В синтаксисе преобладают двусоставные предложения, только один раз появляется безличное. Общая характеристика пространства выражается номинативными предикатами: *И тут тоже запустение и старость...* – дейктическое *тут* соотносит производные существительные с точкой зрения наблюдателя.

Таким образом, за исключением указанных номинативных предложений, многочисленным лексическим маркерам у А. П. Чехова противопоставлена вполне нейтральная грамматика – с прямыми употреблениями грамматических форм, явным преобладанием двусоставных предложений.

Подобная методика анализа была также применена для текстов М. А. Булгакова и Б. Ш. Окуджавы. Для сравнения приведем данные из фрагмента Б. Ш. Окуджавы. Количество лексических показателей модуса уменьшается: всего 34% (32 слова из 93), среди которых «исходно» перцептивных слов (13%) оказывается меньше, чем лексем, чья перцептивность синтаксически обусловлена (их 21%). Увеличение количества слов второго типа уже свидетельствует об увеличении роли грамматики. В тексте преобладают безглагольные предложения (13 из 19 в рассматриваемом репродуктивном регистре).

Таким образом, лексические и грамматические средства характеризуются не только законом взаимодополнения, но и взаимообусловленностью. Репродуктивный регистр создается совокупностью лексических и грамматических средств. Их соотношение можно представить в виде

пропорции: при уменьшении роли грамматики более значимой оказывается лексика, и наоборот. Это означает, что действие языковой системы в тексте подчиняется не только закону «изотопии» (А.-Ж. Греймас), но и «экономии» (Г. Пауль) языковых средств.

В **заключении** подводятся итоги исследования, в которых отмечается полевое устройство категории перцептивности. Шкала перцептивности соединяет центр поля и его периферию, тем самым градуируя поле. В работе было доказано, что категория перцептивности связана не столько со способом получения информации о мире, сколько со способом подачи внеязыковой действительности в тексте, то есть с воспроизведением в тексте ситуации непосредственного наблюдения.

Проведенное исследование доказывает, что исследователь имеет право приписать языковой единице определенные семантические свойства только тогда, когда он может соединить семантическое представление языковой единицы и анализ текста.

Основные результаты исследования отражены в следующих **публикациях**:

1. Муравьева Н. Ю. Проблема лексикографического представления глаголов с перцептивным компонентом в семантике // Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института. Т. 1. – М., 2003. – С. 337-342.
2. Муравьева Н. Ю. О лексических средствах репродуктивного регистра // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Т. 1. – М., 2003. – С. 8-15.
3. Муравьева Н. Ю. Модус перцепции как результат взаимодействия лексики и грамматики // Научно-техническая информация. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – 2005. – №4. – С. 33-37.
4. Муравьева Н. Ю. Перцептивный модус в художественном тексте (на материале русской литературы XIX-XX вв.) // Научно-техническая информация. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – 2006. – №7. – С. 32-37.

5. Муравьева Н. Ю. Грамматические средства актуализации перцептивного модуса в тексте // Лингвистика текста: методы исследования: Материалы Межвузовской науч.-практ. конф. (Москва, 19 декабря 2004 г.). – М., 2006. – С. 54-56.
6. Муравьева Н. Ю. Текстовые функции пространственно-ориентированных глаголов (на материале *тянуть* и его производных) // Наследие Д. С. Лихачева в культуре и образовании России: Сб. материалов науч.-практ. конф. (МГПИ, 22 ноября 2006 г.). Т. 2. – М., 2007. – С. 47-55.
7. Муравьева Н. Ю. Наблюдаемое и «наблюдатель» в лингвистической науке // Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института. Т. 6. – М., 2007. – С. 503-512.
8. Муравьева Н. Ю. Категория перцептивности в семантике и в тексте (на материале романа М. А. Булгакова «Белая гвардия») // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. научных статей. Вып. 6, т. 1. – М., 2007. – С. 192-195.
9. Муравьева Н. Ю. Семантическая история глаголов восприятия в трудах В. В. Виноградова // Виноградовские чтения: Материалы науч.-практ. конф. (Москва, 3 октября 2007 г.). – М.; Зарайск, 2007. – С. 55-64.
10. Муравьева Н. Ю. Перцептивность в тексте как результат взаимодействия единиц разных уровней // Конференция, посвященная 160-летию со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова (МПГУ, 8 февраля 2008 г.), в печати.